

Николай Клецов

12+

Подводная охота, или Мистические путешествия

Юмористическое фэнтези

Николай Клецов

**Подводная охота, или
Мистические путешествия**

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Клецов Н. П.

Подводная охота, или Мистические путешествия /
Н. П. Клецов — «ЛитРес: Самиздат», 2008

ISBN 978-5-532-04762-4

Юмористический роман - пародия в жанре фэнтези. Роман читается на одном дыхании, и не хочется расставаться с его героями. В этой книге не только смешные приключения и юмор, в персонажах романа многие узнают себя и своих близких, а кому-то роман поможет глубже заглянуть в себя и переосмыслить в какой-то мере свою жизнь.

ISBN 978-5-532-04762-4

© Клецов Н. П., 2008
© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Клецов

Подводная охота, или Мистические путешествия

Глава 1

Ещё вчера Пульп и Агла были людьми. Ну, конечно, не по-настоящему, они просто выглядели как люди, а на самом деле они были представителями древнего рода Зойгов – магов и колдунов, уже много тысячелетий живущих рядом с людьми. Зойги всегда лояльно относились к людям, так как питались их эмоциями, ну и иногда, вынужденно, не брезговали кровушкой или слизью, выделяемой людьми во время так называемых любовных утех. Пульп и Агла сейчас выглядели как две молодые вороны. Они сидели на высохшей ветке старого дерева и обсуждали свои вчерашние приключения.

– Следующий раз я пушу ему пулю в лоб! – гневно произнесла Агла, почёсывая лапой свой большой, чёрный клюв.

– Хм! Пулю в лоб, только за то, что он попытался ущипнуть тебя за сиську?

Вороны, к сожалению, не способны улыбаться, и Пульпу ничего не оставалось, как не моргая, просто смотреть на Аглу.

– Как он мог подумать?! – от негодования, перья на шее у Аглы встали дыбом. – Да как он посмел, урод?!

– Ты же сама позвала его в сарай, показать новую мышеловку... ну, а он неправильно понял, что ты...

– А ты? Ты же должен был меня охранять! – тем же гневным тоном прокаркала Агла – ты зря что ли в нищего обратился? Мог хотя бы посохом его треснуть!

– Да было бы за что – треснул бы, а так... сама понимаешь, нищий, он хоть и должен быть немного с придурью, но не до такой же степени, чтобы на людей бросаться. Это, сама понимаешь, лишнее внимание, а нам внимание привлекать ни к чему.

Оба замолчали.... День близился к концу. За весь день удалось поймать только двух мышей, да маленького рыжего с белыми пятнами хомячка. Это было недостаточно для пополнения энергетических запасов и превращения обратно в магов, и они решили порыбачить на мелководье, благо недалеко протекала тихая речушка, в которой рыбы, по идее, было достаточно. Оттолкнувшись от ветки и несколько раз лениво взмахнув крыльями, они спланировали на песчано – галечную косу. Рыба, гревшаяся на мелководье, тёмной молнией прыснула в глубину, оставив на поверхности воды расходящиеся и постепенно затухающие круги.

– Что будем делать-то? – Пульп задумчиво ходил по берегу, оставляя треугольники следов на влажном песке.

– Скоро стемнеет и всё равно ни черта не видно будет – глубокомысленно заметила Агла.

– У нас только один выход, обратиться к Водяному, он вроде бы наш дальний родственник... – Пульп всё пытался найти разумный выход.

– Конечно, сейчас родственник, – с сарказмом проскрипела Агла – А помнишь, когда он попросил Трига помочь ему совладать с двумя алкашами из ближайшей деревни, которые периодически глушили рыбу в его омуте, да так, что даже и ему самому досталось. Он до сих пор не слышит на одно ухо, а его дочка русалка не может теперь себе жениха найти, потому как у неё хвоста нет.

– Ну это, да.... Ему бы самому кто помог, не до нас ему... – Пульп прекратил свои хождения и обратился в слух.

– Постой, а если мы пообещаем, что завтра же разберёмся с этими алкашами?...– продолжала развивать мысль Агла.

– Значит, сегодня мы славно поужинаем – уже более оптимистично подвел итог Пульп. – Ну что, начнём?

Они встали головой друг к другу и, опустив головы вниз, начали рисовать на песке магический символ. Затем в вечерней тишине разнеслось громкое карканье, и не успели они досчитать до двадцати, как водная пучина забурлила, и Водяной, весь заросший тёмно-зелёными водорослями, с ряской на ушах и со сломанным двузубым трезубцем, попытался стремительно взлететь из воды, но что-то пошло не так, и он с шумом и плеском рухнул боком обратно в воду. Спустя несколько секунд, он вновь появился из воды, и уже менее решительно пошёл к берегу, распугивая по пути мелкую рыбёшку. Он прокашлялся, выплюнув изо рта тину и сделав грозный вид, произнес сиплым голосом, вернее, почти прошипел:

– Кто посмел потревожить Великого и Могучего...

Пульп прервал его славословие:

– Послушай, уважаемый повелитель рек и озёр, тут у нас такая ситуация – Пульп потёрся клювом о камень – нам бы поесть чего, ну, естественно, имеется в виду, кого-нибудь из твоих подданных.... А мы, в свою очередь, обещаем укротить этих злобных человеческих отродий...

– Мы знаем, как вам трудно, и хотим вам помочь – перебила его Агла – и всего-то навсего, нам сомика какого или карпика покрупнее да пожирнее...

Водяной молчал, настороженно разглядывая двух нахальных ворон, которым было по-видимому кое-что известно о его личной жизни. От переохладения, голова у Водяного плохо работала, и он не сразу сообразил, что это не вороны вовсе, а какие-то оборотни. А, сообразив, он решил потянуть время, чтобы выудить из чужаков хоть какую-то достоверную информацию. С оборотнями он предпочитал дела не иметь, так как у него уже был печальный опыт, когда в соседний омут заплывала русалка, да такая красавица, а он, старый дурак, и слюни распустил, начал катать её на трезубце своём (ещё целом тогда), владения свои показывать, похвастал, конечно, и сокровищами. А русалка-то потом и не русалкой оказалась вовсе, и быть бы ему на старости лет нищему и всеми забытому, да вовремя её, гадину, дочка раскусила. И сделать ничего не успели, как она в шуку обратилась и была такова. А кто она на самом деле, откуда, так и осталось неизвестно.

– У меня сейчас каждый хвост на счету – для солидности выдержав мучительно долгую паузу, Водяной продолжил – да... каждый хвост.

И тут у него в голове неожиданно появился образ его несчастной дочери без хвоста, но он усилием воли отогнал его. "Крупные, да жирные... не больно то они меня и послушаются сейчас" – образ дочери постепенно отходил на второй план.

– Вы откуда будете? Кто вы есть? – прокашлявшись, более громким голосом, просипел Водяной.

– Да мы свои, дядюшка Водяной, мы из рода Зойгов – быстро заклекотала Агла. – я правнучка Трига, а он... он его внук. Нам просто не хочется его беспокоить по мелочам, а тут...

– Не любит он, когда мы не можем сами с чем-то справиться. Потом заставляет много дней энергетические каналы чистить, а это не очень-то приятно – добавил Пульп.

Водяной шумно вздохнул.... Всё это было похоже на правду, да и обещание усмирить буйных на голову людей, тоже склоняло чашу весов в пользу непрощенных гостей. Надо было хотя бы попытаться им помочь. А то, что главный Рыбий Дух отказался ему подчиняться, и что сейчас в его подчинении находились только лягушки, пиявки и всякая мелкота, так это им было знать необязательно.

– Ну что ж, если вы и вправду колдуны, и если вам не хватает силы, чтобы обратно стать магами и попасть в свой мир, вы же можете, например, обратиться в чукабру или шуку и потом...

Агла и Пульп не ожидали такого поворота дела. "А как же мы сами-то не додумались до такого...? Ну, у чукабры, ладно, зубы с палец, а щука.... Но, с другой стороны, на чукабру может и силы не хватить, тем более на двух чукабр".

Водяной, как бы услышав их мысли, добавил:

– Если вам силы не хватит, я вам своей добавлю. У меня её вон сколько, силищи-то, немерянно! – и он, для пущей важности, взмахнул трезубцем и попытался долбануть проплывающую мимо по своим делам водяную крысу, но промахнулся и опять чуть не рухнул в воду. – Ах, грёб твою, загрёб! – не удержался и выругался матом Водяной. – Дак, на чём мы остановились? А значит потом, когда вы обратно магами станете, вы уж не забудьте старика... и этих алкашей...

Пульп и Агла переглянулись и почти одновременно прокаркали:

– Хорошо, дядюшка Водяной, мы согласны, мы всё потом сделаем, ты только покажешь, куда нам плыть-то, а то нам некогда долго шастать тут под водой, своих дел на земле полно.

– Покажу, покажу – уже более мирно просипел Водяной.

На этот раз взаимопонимание было полным. Вороны начали танец превращения, кружась и притоптывая на месте, и так у них лихо и задорно всё получалось, что Водяной сам едва удержался, чтобы не пуститься в пляс, да вовремя одумался и стал вспоминать, как он по молодости превращался в красавца парня, (но, правда, с маленьким, коротким хвостом), и что именно делал при этом.... Но в голову ничего не лезло, кроме банальной фразы, которой он подзывал деревенскую девушку, стиравшую бельё: "Помоги, красна девица, тону я". Для виду, он всё-таки несколько раз неуклюже повернулся вокруг, распугивая лягушек и мальков, и покрутил посохом над головой. Голова закружилась, и он, чтобы не упасть, сел в воду, благо тут было ему по колено. Вороны, казалось, ничего не замечали вокруг. Они кружились, расставив крылья, всё быстрее и быстрее, и, наконец, исчезли, превратившись в двух отвратительного вида чукабр, которые, как известно, имеют и жаберное и лёгочное дыхание. Быстро извиваясь, как змеи, они приблизились к воде, и вот уже две зубастые хари уставились на Водяного. Водяной, не вставая, завалился на бок и, отталкиваясь, для скорости, посохом от дна, ринулся в глубину, хотя "ринулся" – это по его понятиям, скорее, медленно и неуклюже поплыл, таща за собой ленты водорослей и зацепившихся кувшинок.

Глава 2

Водяной, больше похожий на большой комок водорослей, медленно рассекал глубины соседнего омута, где по его сведениям обитали два крупных, жирных сазана. Это были самые хитрые особи, избежавшие в своей жизни зубов щуки или чукабры, сетей, крючков, и других всяких пакостей. Но они, к тому же, и что было самым обидным, давно игнорировали его Водяное Величество (как раньше он заставлял себя называть), и при встрече, вместо того, чтобы помахать плавниками, ударяли хвостом по дну, поднимая муть и грязь, что противоречило всем нормам поведения подводного царства. Вот их-то он и решил проучить, чтобы другим неповадно было, подставив их под зубы двух голодных оборотней-магов.

Пульп и Агла плыли рядом, изредка недалеко отплывая и тут же возвращаясь.

– Ну, у тебя и рожа, Агла – пытался как-то разрядить непривычную для себя атмосферу Пульп.

– Сам дурак – парировала Агла. – тоже не вполне комфортно ощущавшая себя в теле этой мерзкой амфибии, да ещё в тёмной ночной воде.

Одному Водяному, казалось, всё было нипочём. Находясь в родной стихии, он довольно сопел и хлюпал, иногда пуская фонтанчики или большие пузыри, которые с громким бульканьем вырывались на поверхность. Наконец, он увидел знакомую корягу, где, как он предполагал, должны были быть те, кого они ищут. Рядом плавала стайка серебристой плотвы, не давая разглядеть поле предстоявшего сражения. Водяной трезубцем указал на корягу, что однозначно можно было истолковать как команду "фас".

Пульп, как более старший и опытный, да и к тому же, как мужественный мужчина, как бесстрашный рыцарь, неустрашимый воин и тому подобное..., решил идти первым. Всё-таки, там, в холодной темноте, их могла поджидать не только мягкая, трепещущая плоть толстых и благопристойных сазанов, но и, что вполне вероятно, острые, как иглы, щучьи зубы, или что ещё хуже, не зубы, а страшные пилы челюстей чукабры. Пульп по дуге обогнул стаю плотвы, стараясь разглядеть в темноте за корягой хоть какие-то признаки жизни, но, ничего не обнаружив, решил подплыть с другой стороны, чтобы отрезать пути возможного отступления будущего соперника. С другой стороны он обнаружил сплошное сплетение мелких корней и веток, нанесённых сюда течением за много лет, и создававших почти непреодолимую стену. Лезть в эту ловушку, (а мысль о ловушке стала появляться всё чаще, вызывая неприятное ощущение в районе хвоста), ему не очень-то хотелось, так как он знал, что маг может погибнуть, находясь не в своём теле. Он выплыл, к удивлению Водяного, прямо к его носу, и радостно сообщил ему стратегический план, который он успел разработать по дороге, и который состоял из трёх частей.

Часть 1: Водяной подплывает к самой коряге и, ударами трезубца выгоняет всех, кто там замаскировался во тьме.

Часть 2: он, то есть Пульп, выполняет самую сложную и ответственную задачу – смелым броском сзади, отрезает добыче путь к отступлению.

Часть 3: Агла выбирает сазана пожирнее и набрасывается на него.

– А ты не мог бы добавить в свой план ещё пару пунктов? – язвительно заметила Агла – например, за чей счёт будут мои похороны, если вместо сазана там окажется столетняя чукабра, или сом-батюшка килограммов на сто пятьдесят? Или, почему, например, не расписаны твои действия в случае заглатывания меня сомом?

– Да и мне мало не покажется – начал уже сомневаться Водяной.

– Ну ладно, тебе, не заводись, вечно ты всё драматизируешь – примирительно забулькал Пульп, – я тоже, знаешь как сейчас рисковал?!

Водяной, непонятно почему, то ли соглашаясь, то ли нет, покачал головой и Пульп отплыл в сторону, чтобы быть наготове (мало ли что этому старику взбредёт в голову в следующий момент). Наконец, Водяной вздохнул в очередной раз, выпустив кучу мелких пузырьков и подплыв к коряге, долбанул по ней трезубцем. Никакого движения... Коряга, казалось, вросла в дно реки навсегда. Ещё раз выдохнув воздух, как учили в Школе Водолея, он смачно, с оттяжкой, ещё раз долбанул по коряге. Опять ничего.... Коряга даже не дрогнула. Осмелев, Водяной приблизился к коряге вплотную и начал шурудить трезубцем под корнями, как вдруг, какая-то сила отбросила трезубец и его вместе с ним, и из под вздыбившихся веток показалась голова чудовища.... Да, я не оговорился, именно чудовища, голова которого начала выползать сквозь ветви и корни, подняв целое облако мути, и как будто вырастая из дна. Агла и Пульп, забыв о своём плане, ринулись вниз по течению, стремительно шевеля хвостами, и оставив на волю судьбы Водяного и Чудо-Юдо, обитавшее под корягой....

Они мчались, то и дело для скорости выпрыгивая из воды, но потом, не обнаружив за собой погони, поплыли уже помедленнее, на всякий случай держа голову на поверхности. Издалека можно было подумать, что это проплывают две безобидные выхухоли, но горе тому, кто решил бы это проверить. Вот показался спокойный плёс, где можно было плыть не напрягаясь, вернее парить в водяной толще.... Пульп зорко оглядывал кромку берега в поисках добычи, птицы или ещё чего-нибудь, так как ловить рыбу, после всего пережитого, у него больше не было никакого желания. Агла тоже уже успокоилась, решив для себя, что рыбой питаться вредно для здоровья. Полная луна освещала всё вокруг, играя бликами на поверхности воды. Стояла тёплая летняя ночь. Агла первой заметила какое-то шевеление возле берега и не раздумывая, рванулась на всплеск. Уже заглатывая добычу, он поняла, что это не что иное, как лягушка, но по инерции проглотила ещё одну. Пульп тоже от неё не отставал, и хотя магам есть лягушек было строго-настрого запрещено (так как Царевна Лягушка была довольно сильной колдуньей и пользовалась авторитетом в тёмном мире), в сложившихся обстоятельствах это был для них единственный выход и они продолжали хватать зазевавшихся земноводных, пока не набили ими свои животы.

– По-моему, достаточно – пробулькала Агла – этого должно хватить для превращения.

– Да, можно начинать – важно подтвердил Пульп, как будто от него что-то зависело.

Они закрутились в стремительном вращении и исчезли, оставив после себя быстро рассосавшуюся воронку.

Глава 3

Василий с трудом разлепил глаза. Было ещё темно, но утро уже настойчиво заявляло о себе, отменяя все сомнения в том, что скоро будет новый тяжёлый день. Деревня уже просыпалась, крича петухами, мыча и блея рогатым скотом и хрюкая поросятами. Во рту было сухо и погано, как всегда бывало у Василия поутру последние несколько лет. На душе скребли кошки и было неясно, зачем нужно было просыпаться и вставать. Василий пошарил под кроватью в надежде, что осталось что-нибудь после вчерашнего, но рука ощутила лишь пустоту. Он сел на пронзительно застонавшую кровать, и взял дрожащей рукой алюминиевый помятый ковш, поставленный загодя на табуретке у изголовья. Это была последняя алюминиевая вещь в доме, так как кастрюли и ложки он сдал скупщикам металла уже давно. Василий жадными глотками выпил безвкусную воду и утёрся тыльной стороной ладони. "Надо сходить к Вовке, может у него что осталось" – тяжёлые, неуклюжие мысли с трудом ворочались у него в голове. Задача была поставлена, и тело, охая и матерясь, подчинилось разуму. Хотелось курить, и он, пошарив в банке с окурками, нашёл походящий бычок и трясущимися руками с трудом подкурил. Бычка хватило на несколько затяжек и он, выйдя на крыльцо, бросил его тут же, придавив галошей. Своим выходом на авансцену он привёл в возбуждение ещё одно живое существо неопределённого цвета, хромающее и угодливо изгибающее спину. "Уйди, Бимка" – прохрипел Василий – "Не до тебя сейчас". Бимка знал, что ему сейчас не до него, но продолжал, повизгивая, скакать, виляя хвостом и пытаясь лизнуть ему руку, показывая всем своим видом свою собачью преданность. Василий, не выдержав такого напора собачьей любви, зашёл обратно в хату, чтобы найти для неё что-то съедобное, но ничего не нашёл, кроме банки из под кильки в томате, и небольшого заплесневевшего куска хлеба. Он налил в банку воды и, что-то бормоча про себя, поставил это богатство Биму под нос. Бимка кинулся было к банке, но понюхав, отошёл в сторону, виновато поджав хвост. "Вот гад, зажрался" – устало подумал Василий и, вдохнув полную грудь утреннего свежего воздуха, побрёл, старательно обходя грязь, на другой конец деревни, где обитал его собутыльник Володька.

Уже стало светлее и, проходя мимо соседского забора, он услышал звонкие струи молока, бившего о стенки цинкового ведра. Это баба Нина, присев на маленькую лавочку, доила свою Пеструшку. Пеструшка была коровой с норовом, она то и дело пыталась вмешаться в процесс, махая хвостом и переступая с ноги на ногу. Василий представил как парное молоко белой шапкой поднимается в ведре и жадно облизал пересохшие губы.

– Баб Нин, дай молочка хоть глоточек – не выдержал он и, остановившись, ухватился за забор руками, чтобы не упасть от внезапно накотившей слабости.

– Дам, Вася, как не дать... – баба Нина уже вытирала руки чистой тряпицей – Ты вот только забор мне обещал починить. Упадёт уж скоро. А как сделаешь, так я тебе ешшо и пузырёк поставлю.

Баба Нина взяла ведро с молоком и пошла к дому, по пути налив и кошкам, которые урчали и тёрлись о её ноги, пока она не дала им утреннюю порцайку.

Вася знал, что баба Нина делает отменную самогонку, но так же он помнил, что несколько раз брал займы у неё бутылку, клятвенно заверяя, что уж завтра-то он точно починит забор. А завтра всё начиналось сначала, но он на всякий случай громко и привычно соврал:

– Баб Нин, мы с Володькой точно подойдём после обеда – вы дома будете?

– Дома, дома, я всегда дома... – незлобливо проворчала баба Нина уже заходя к себе в дом и зная, что забор так и останется стоять в ожидании, когда приедет сын или внук из города.

Василий подошёл к Володькиному дому, напоминавшему скорее развалины после боевых действий. Дом уже горел, и когда соседям удалось его затушить, они нашли внутри мирно спящего Володьку, у которого уже начали гореть волосы на голове, а кожа на руках покрылась

волдырями. Он был даже недоволен, что его так грубо разбудили, и матерился, пытаясь оказать сопротивление. Потом почти полтора месяца Володька провёл в больнице, залечивая ожоги и, не долечившись, сбежал оттуда, спустившись из окна на простыне. С тех пор, как от Володьки ушла жена с детьми, он запил беспробудно. Хотя он и раньше частенько выпивал, но время от времени останавливался, и это было счастливое время для его семьи и соседей. Володька, что называется, был мастер на все руки, и мог сделать практически всё, от утюга до трактора. Но потом светлый период внезапно заканчивался и он становился другой личностью, вечно пьяной и буйной, личностью которая гонялась с топором за женой и детьми, а потом, когда они сбежали и прятались по соседям, он в неистовстве рубил мебель и орал на всю деревню: "Найду, у-у-бью-ю-ю!". Несколько раз его забирали милиция и скрутив, увозила в район, но потом Валя, его жена, приезжала за ним и слёзно умоляла начальство не губить хорошего человека, не оставлять детей сиротами и т.д. и т.п.... Володька, протрезвев, клялся, что он всё, что он больше ни-ни, а потом его отпускали, и через какое-то время он вновь срывался и всё катилось по наезженной колее.

Василий отодвинул калитку, висевшую на одной петле и без стука вошёл в дом, где стоял так и не выветрившийся запах гари. Обстановка в комнате, вернее её полное отсутствие, своим аскетизмом почти в точности повторяла его апартаменты. Всё, что можно было продать или обменять на самогонку, было продано и обменено, и остались вещи то ли крайне необходимые для Володьки, то ли абсолютно никому не нужные. Это была металлическая кровать, заваленная полуобгоревшим тряпьем, пара деревянных ящиков, заменяющих стол и стул, несколько грязных стаканов, деревянная ложка с обкусанными краями, несколько вилок с отломанными зубьями и несколько тупых ножей. На кровати лежало давно небритое существо, отдалённо напоминающее человека. Оно лежало на спине, широко открыв рот, и не подавало никаких признаков жизни. По лицу существа ползала ещё не совсем проснувшаяся муха.

– Вов, вставай – неуверенно толкнул его в плечо Василий и подумал: "А не случилось ли чего страшного?"

– Хотя что может быть страшнее такой жизни? – подумал я, (автор).

Василий уже сильнее толкнул Володьку, но это не вызвало никакой реакции.

– Давай, давай, вставай, – продолжал истязать своего кореша Василий, но это не принесло желаемого результата.

– Ну, блинский потрох – уже решив пойти на крайние меры, пробормотал Василий и, наклонясь прямо к уху Володьки, уже более громким и твёрдым голосом задал сакраментальный вопрос: "Пить будешь?"

Эта простая и на первый взгляд безобидная фраза вызвала целый сонм реакций в до этого, казалось, безжизненном теле. Прошло несколько секунд, прежде чем фраза достигла самых потаённых глубин подсознания, которое, в свою очередь, послало импульс в мозжечок, а тот в свою очередь, отдал приказ мышцам сократиться. Володька замычал и, не открывая глаз, попытался сесть:

– Чо, блин, где? – он уже начал валиться назад, но Василий схватил его за шкуру и похлопал по впалой, небритой щеке.

– Уйди, блин, ты кто? – уже пытался разодрать глаза Володька, и когда, наконец, ему это удалось, он с видимым облегчением просипел – А, это ты, а я думал, опять мультики.

Здесь надо пояснить, что мультиками деревенские мужики называли приступы белой горячки, когда к испытуемому приходили существа из тонких миров и он переставал понимать где находится, в этой реальности или же на той стороне.

– Я, я это.... Ты хоть помнишь, где мы вчера вечером пили? – тоже с некоторым облегчением произнёс Василий.

Володька обречённо покачал головой:

– Ни хрена не помню.... Сначала вроде у Серёги, сварщика, сидели, а потом вроде за карбидом пошли.... По дороге Кудлая встретили, у него бутылка была... а дальше... ни хрена не помню....

– Так, чё, у нас карбид что ли есть? – оживился Василий, и тут же начал шарить взглядом по комнате, заваленной всяким хламом. – Да вот, наверное, в углу стоит. – Василий подошёл к свёртку, лежавшему на видном месте. – Точно, он, – уже более радостно заключил Василий и продолжил – Ну, теперь живём! Щас пойдём, рыбки наловим, ушлицу сварганим, пузырёк возьмём – уже во всю разыгралась фантазия у Василия.

Володька, осознав значение находки, начал кряхтя и постанывая подниматься, а затем, надев галоши, стал искать в куче мусора стеклянную бутылку для самодельной бомбы. Здесь бутылок не оказалось и он пошёл к сараю, где он точно помнил, валяются несколько бутылок из под шампанского ещё с советских времён. Затем, взяв полупустой коробок спичек и пакет для рыбы, они двинулись в сторону речки.

– У тебя курить есть? – нарушил затянувшееся молчание Володька.

– Нет, я сам бы покурил – и Василий представил, как он распечатывает новую пачку, достаёт, вытягивая из плотно забитой пачки сигарету и с наслаждением закуривает, втягивая такой желанный дым и смакуя каждую затяжку – ... вот рыбу продадим и в магазине возьмём – продолжил он фразу.

Солнце уже вставало и туман зыбкой пеленой покрывал речку, будто пряча её от посторонних глаз. С реки веяло тишиной и прохладой. Роса, сверкающая в лучах восходящего солнца, ещё не испарилась, и они пробивали тёмную дорожку по влажной и зелёной траве.

– Блин, все ноги уже замочил – начал бурчать Володька, но Василий его перебил:

– Сотри-ка, кто идёт – и он ткнул пальцем в сторону речки, откуда навстречу им, неспешно, поднимались две фигуры.

– Чот я не знаю, кажись не местные они, не наши – уже обеспокоенным тоном прохрипел Володька и стал взглядом искать, куда бы незаметно выбросить бутылки с карбидом.

– Да вроде подростки какие-то, студенты наверное, на каникулы приехали к кому-нибудь – продолжал гадать Василий.

– Эй, вы кто такие – уже приблизившись и разглядев, что это не егеря и не рыбаки из местной артели, более смело спросил Володька, и немного опешил, увидев, что подростки чем-то неуловимо отличаются не только от деревенских и городских, но и вообще от людей. "Чёрт, опять галюни пошли" – с тоской подумал он, но воспрянул духом, когда услышал, как они спрашивают у Василия, не рыбаки ли они. Он, хохотнул, и встрял в разговор:

– Да рыбаки мы, рыбаки.... Мы особенные рыбаки – уже начал хвастать Володька – Мы сейчас как шарахнем, и пол мешка рыбы есть – продолжало нести его. Василий пытался остановить его, дёргая за рукав, но тот продолжал исповедоваться будто под гипнозом.

– Вон у нас какая техника – и Володька, несмотря на все потуги Василия его остановить, вытащил из сумки бутылку с карбидом и продолжил: "Вон там, я знаю, омут есть хороший, вот мы туда её и...". Но тут юноша повернулся к девочке и произнёс фразу, которая заставила похолодеть обоих неудавшихся рыбаков:

– Агла, это они – сказал он ровным и негромким голосом. И она ответила, лукаво улыбувшись: "Видишь, и искать их не пришлось". Неожиданно, они одновременно начертили в воздухе какие-то фигуры и что-то прошептали на тарабарском языке. Володька не успел ещё окончательно испугаться, услышав такое дурацкое имя, как увидел, что земля стремительно приблизилась к нему, а на руках стали срастаться пальцы, образуя мерзкие копыта.

– Точно, мультики пошли – с некоторым облегчением подумал Володька, но когда поднял отяжелевшую вдруг голову, то закричал от ужаса (он так и не понял, почему вместо крика он слышит бодрое бляение). На том месте, где только что стоял его самый закадычный друг,

Васька, стоял козёл и так же, как и он, громко и отчаянно блял. От ужаса всего пережитого и увиденного Володька потерял сознание....

Глава 4

Триг уже начинал беспокоиться.... Он проверил всю сферу Земли, но ни в воздухе, ни на земле Аглу и Пульпа обнаружить не удалось. Это означало одно: либо они заблудились в бесчисленных чужих и враждебных мирах, либо их уже нет в живых, а это означало большие неприятности уже для него самого. Ну..., в чужие миры они не должны сунуться, так как один раз, для профилактики, он уже устроил им экскурсию в мир Слопов – отвратительных существ, напоминающих студень, или холодец, нечаянно забытый на пару лет на балконе и потом найденный по запаху. Они были зеленовато-бурого цвета и так воняли, что Агла и Пульп, чуть не сблевали прямо на торжественном приёме, устроенном в честь их прибытия. Им с трудом потом удалось улизнуть оттуда, когда выяснилось, что главное блюдо на банкете, по умолчанию, были они сами.

Что же касается гибели.... Не должны они погибнуть и точка! Это Триг чувствовал всеми фибрами своей колдовской натуры. Где же они... где же.... Триг соскочил со своего магического трона, выточенного из цельного куска чёрного дерева и украшенного слоновьими бивнями, черепами шакалов, сушёными змеями, ящерицами и прочей разной лабудой. Этот трон ему подарили маги по африканской линии, когда он прошёл посвящение, и стал полноправным членом клана Зойгов. Правда, насчёт магического посоха, несмотря на его многократные напоминания, они всё что-то тянули, отделиваясь отписками, что будто бы у них нет подходящего дерева, или что давно нет дождей (для посоха годились только деревья, разбитые молнией), или что для этого неподходящий по гороскопу год, или что-то ещё, и Тригу всё чаще стала приходить мысль, что жезл они просто банально продали или, скорее всего, обменяли на магическое зелье, которое приносили подземные люди. Это зелье, даже без всякой магической силы, достигнутой долгими годами обучения, давало возможность ощутить себя силачом и героем, хотя потом, на утро после него болела голова и целый день подташнивало. Но хуже всего было то, что после бурной ночи, проведённой в компании с этим зельем, приходили мысли о том, что ну её нафиг, такую жизнь, а не пойти ли лучше к Светлым на поклон. Триг решил ещё раз посмотреть в волшебное зеркало. Будто сомневаясь в его прозрачности, он плюнул на поверхность и протёр её полкой своего роскошного халата, сделанного из чёрного индийского шёлка и расшитого звёздами и планетами. Но не успел он произнести самое мощное видеозаклинание, как вдруг, он увидел в зеркале знакомые лица, это были Агла и Пульп, идущие уже по коридору его резиденции. За собой они тащили на верёвке двух упирающихся и противно блеющих козлов. "Только этих вонючих тварей мне тут не хватало" – подумал Триг и моментально перекрыл силовым щитом пространство между внуками и козлами, так что в руках у них осталось только по куску верёвки. Он взглядом открыл скрипучую входную дверь, такую скрипучую, что аж поморщился, и своим жёлтым крючковатым пальцем поманил застывших в недоумении детей. Они стояли к нему спиной и уже вдвоём дергали за одну веревку, пытаясь сдвинуть козла, лбом упёршегося в щит, сопящего как паровоз и косящего на них злыми жёлтыми глазами.

– Эй, пропащие! Бросьте верёвку! Я жду вас... – его палец вычертил в воздухе замысловатую фигуру и верёвка упала как срезанная.

– Мы приветствуем тебя, Величайший из магов... – начал было официальное обращение Пульп, но тут Агла бросилась к Тригу на шею.

– Мы сначала были людьми, потом воронами, а потом даже рыбами. Ты нас не потерял? – заворковала Агла.

– Интересно, интересно... а я тут уже начал волноваться – Триг не очень талантливо изобразил недовольство. – А, кстати, что у вас за козлы, и зачем вы их притащили сюда? Ну-

ка, садитесь, рассказывайте всё по порядку. – Триг ссадил внуку на пол и важной походкой пошёл к своему навороченному трону.

– ... И когда мы опять стали магами, мы вспомнили о своём обещании, данном Водяному, найти и обезвредить двоих людей – продолжал свою повесть Пульп. – Найти-то их не составило проблемы, так как они сами уже шли к речке с запасом дешёвого вина и какого-то вещества, которым они собирались взорвать воду. Мы решили превратить их в такое животное, которое больше всего подходит им по сути. Помнишь, ты сказал нам, когда давал это заклинание, что оно само выбирает, в какое существо будет превращён человек: в собаку, змею, кошку или в козла, например.

– Да... И что нам теперь с ними делать? – Триг задумчиво посмотрел на закрытую дверь и вспомнил, что сам когда-то, лет сто назад, пообещал Водяному избавить его от этих двоих, но потом закрутился и совсем про них забыл.

– Надо оставить их так как есть – заметила Агла – пусть они в таком виде побудут хотя бы пару месяцев, глядишь и образумятся.

– Да, пусть поживут в козлиной шкуре, может поумнеют – пытаюсь выглядеть невозмутимым, Пульп говорил негромким и ровным голосом, так как в Школе Магических Искусств их учили, что настоящий маг никогда не нервничает и никогда не повышает голоса.

– А может превратим их в хомячков, они такие забавные – Агла уже села на ручку кресла. Она болтала ногами и между делом пыталась открутить голову сушёному дракончику.

Пульп опять заговорил, важно выпятив грудь:

– Агла, хомячки у тебя сбегут как те крысы, которых мы тогда ловили – забыла уже? Агла перестала болтать ногами. Это был упрёк в её сторону, а она не терпела критики, так как считала себя совершенной, ну или, по крайней мере, совершеннолетней. Она вспомнила, что когда они учились с Пульпом в Школе Магических Искусств (далее ШМИ), она, выполняя домашнее задание по колдовству, не поняла даже, почему каким-то образом у неё два преступника, сидевшие за кражу, превратились в крыс. И всего-то навсего надо было напугать их голосами или звуками. Но когда они исчезли, посеяв панику среди охраны, и вызвав недоумение других зеков, она поняла что сделала что-то не так. Она знала, что молодым непосвященным магам категорически запрещено нарушать причинно-следственную связь в жизни человеческих существ. Это разрешалось делать только в исключительных случаях или же по санкции свыше. Когда она рассказала Тригу об этом, он приказал ей никому об этом не говорить. Он сам превратился в большого рыжего кота и бросился на поиски потерявшихся крыс. Всё закончилось благополучно часа через три: крыс удалось отловить и зеки опять стали людьми. Когда на допросе они рассказали, что были крысами всё это время, и за ними гонялся большой рыжий кот, их сначала обсмеяли, но потом видя, как они упорствуют, сочли что те симулируют сумасшествие, и посадили в штрафной изолятор на хлеб и воду.

Триг, с улыбкой всё это время наблюдавший перепалку брата и сестры, решил направить разговор в более конструктивное русло:

– Так вы решили помочь Водяному, посчитав это исключительным случаем? – Триг медленно крутил на запястье чёрный, агатовый браслет в виде змеи.

– Да, они же оглушили его, а дочку сделали инвалидом – начал оправдываться Пульп – и ещё кучу всякой мелочи сгубили.

– Вопрос... правильно или нет вы поступили? – Триг выжидательно посмотрел на Пульпа. Пауза затягивалась... – да, наверное, вы правильно поступили. – Триг посмотрел на обоих – И да будет так! – Триг громко хлопнул в ладоши, подведя итог обсуждению, что вызвало бурный восторг молодых магов, которые чувствовали себя немного виноватыми. Агла опять бросилась Тригу на шею, ладошкой теребя его длинные тёмно-пепельные волосы.

– Сейчас отгоните их в загон, пусть они немного успокоятся, пообвыкнут, примирятся с новым обликом, а потом можно будет их выпустить в общее стадо.

– А тот, с длинной бородой, бодается! – сделала было попытку увильнуть Агла, но Триг поднял её перед собой на вытянутых руках и сказал, грозно сощутив глаза:

– А ты превратись в пантеру, и он сразу успокоится.

Агла осознав всю беспочвенность своих притязаний прыгнула на пол.

– Я помогу тебе – Пульп опять выступил в роли бескорыстного защитника.

Триг повелительно поднял левую ладонь, а правой очертил полуовал, сделав проход в силовом щите.

– Пульп, надеюсь вы сами справитесь, не маленькие уже – и Триг с усмешкой посмотрел на Пульпа. Пульп важно кивнул, соглашаясь с вышесказанным.

Они покинули апартаменты Трига и, недолго подумав, решили пойти по наиболее лёгкому пути. Немного поколдовав, Пульп организовал две морковки, так как слышал, что этот овощ козлы просто обожают.

– Боря, Боря, Боря – даже не зная, что значит это слово, попытались они заинтересовать морковкой козлов, которые при этом перестали бодать стену, но обратили своё внимание не на морковь, а на них.

– Пульп, я их боюсь – Агла прижалась к Пульпу и умоляюще посмотрела на него. Пульп ощутил невероятный прилив гордости, представив себя сильным и бесстрашным рыцарем, который только и ждёт как бы поразить гнусного злодея ради своей прекрасной дамы. Он подошёл к одному козлу, почему-то выбрав длиннородого, и что есть силы пнул его по заднице. Козёл, не ожидавший такого поворота событий, замер, а потом, сделав короткий скачок, кинулся на Пульпа. Пульп только сейчас понял что натворил, увидев перед собой злобный полусумасшедший взгляд и слюнявую морду рогатого животного. В лицо пахло теплым и неприятным запахом козлиного желудка. Пульп, с трудом увернувшись, начал бегать по кругу, стараясь как можно дальше держаться от рогов и копыт своего преследователя. Второй козёл стоял в стороне, как в чём не бывало, но в его напряжённой стойке уже ощущалась скрытая угроза. Агла топала ногами и пронзительно визжала, зажав уши ладонями, а гонка, тем временем, пошла уже по третьему кругу. Наконец, Пульпа осенило, и он стараясь заглушить вопли Аглы, заорал что есть мочи:

– Агла, материализуй бутылку зелья!

Агла разжала ладошки:

– Что? Что ты сказал?

– Бутылку зелья материализуй, быстрее!

На этот раз Агла поняла, и собрав в кулак всё своё воображение и все силы, вырвала у Пространства и Времени бутылку ещё тёплого самогона. Она тут же швырнула её бегущему Пульпу.

– Боря, Боря, Боря – где-то слышанными заклинаниями продолжал успокаивать своих врагов Пульп, но в этом уже не было необходимости. Козлы, увидев бутылку, без всякой магии обратились вдруг в милых и добрых домашних животных. Они, нетерпеливо блея и перебирая ногами, тёрлись мордами о штаны Пульпа и тянулись к любимому лакомству.

Пульп торжествуя посмотрел на Аглу:

– Давай руку, пошли – он взял правой рукой её ладонь, левой зажал крепче под мышкой бутылку и они двинулись в путь, сопровождаемые козлами, которые шли за ними сзади, как собачки на привязи...

Глава 5

Василий в полном смятении наблюдал, как Володька превращался в козла и сам чуть не грохнулся в обморок, когда увидел свои волосатые ноги и копыта. Но так как он был существом более практичным и рациональным, он почти сразу и без лишних эмоций смирился со своей новой шкурой, успокоив себя тем, что это будет для них новым интересным опытом. Кроме того, Василий почему-то был уверен, что это новое обличие не навсегда, что рано или поздно они опять станут людьми, весь вопрос только когда. Он довольно спокойно наблюдал как эти "суки" (так их он для себя назвал), привязывали верёвку к рогам лежащего без сознания Володьки, а потом безропотно позволил привязать и себя, логично предположив, что если он будет ерепениться, "суки" превратят его во что-нибудь похуже, к примеру в мышь или суслика. И если в шкуре козла было не так уж и плохо, то сусликом становиться он категорически не хотел. Хотя собственно вообще против сусликов он ничего не имел, но становится одним из них – нет, ни за что! Что-то пошептав и поведив пальцами в воздухе, "суки" перенесли или, вернее, переместили его и Володьку совсем в другой мир, с какими-то диковинными существами и необычными растениями. Солнца нигде не было видно, но было светло, как утром. "Видно ещё не взошло" – решил для себя Василий. Когда их повели к какому-то сооружению, напоминающему замки вампиров из фильмов ужасов, Василий струхнул не на шутку. Он представил как на него налетают стаи этих тварей и своими острыми когтями вспарывают ему вены. Или как существа демонического вида приносят его в жертву своим чёрным богам, занеся над его головой изогнутый широкий нож по которому стекает его, Васькина кровь.... От представленного ужаса Василий жалобно заблеял. Володька, который шёл впереди, обернулся и тоже заблеял, насыпав при этом кучку коричневого, блестящего горошка. Их провели через большие ворота из чёрного кованого железа, и по дорожке, выложенной серым пиленным булыжником, повели к воротам замка, судя по всему, на закланье. Он попытался оказать сопротивление, и тут невидимая стена остановила их. Все это не привело ни к чему, кроме страха и раздражения, и когда им неожиданно предложили по морковке, при этом Володьку назвав Борей, это взбесило их козлиную натуру. Василию с трудом удалось сдержаться, чтобы не наподдать как следует этим зазнавшимся наглецам, а Володька тут же сорвался с места, пытаясь поддеть на рога мальчишку. Неизвестно, чем бы всё закончилось, не появившись у него в руке такой знакомый и родной предмет из той, прошлой жизни. Вид бутылки всегда вызывал у Василия и Володьки умиротворение, безотказный рефлекс сработал и в этот раз, и они мгновенно успокоились. Володька даже опознал по запаху самогон и радостно заблеял, рогами толкнув в бок Василия, как бы говоря: "Вот видишь, не так уж здесь и плохо, скоро и опохмелиться дадут". Они, не отрывая глаз от бутылки, дружно зашагали к месту предполагаемой раздачи.

Долго ли, коротко, а подошли они к довольно уютному загону, обнесённому высоким забором. Загон правда был не совсем обычной формы, в виде небольшого продолговатого ангара, какие Василий видел, когда служил в армии. Да и стены были непонятно из чего – какие-то чешуйчатые и блестящие. "Какой-то новый материал" – сделал для себя вывод Васька. Внутри не было ничего, кроме корыта с водой и лежащей в углу большой охапки свежего сена. Василий прошёл в угол и завалился на бок, на время расставшись со своей заветной мечтой, так как защёлка на двери загона клацнула, отрезав их от бутылки. Володька ещё какое-то время топтался по загону, безуспешно пытаясь вырваться на свободу, но потом тоже смирился и, сердито засопев, лег рядом, положив голову на передние ноги и с тоской глядя на стену загона.

Василий решил оглядеться, всё-таки теперь это сооружение было их домом, а дом, как известно, надо обживать. Полежав ещё какое-то время и выждав, когда Володька заснёт, он встал и подошёл к стене. То, что он увидел, поразило его. Деревянные дугообразные балки, сходящиеся под потолком, оказались вовсе не деревянными. Чтобы окончательно удостове-

риться в своей страшной догадке, Васька развернулся и копытом долбанул по балке, раздался сухой стук, который бывает когда кость бьётся о кость. Так и есть – сарай оказался частью скелета какого-то неведомого Василию существа, а чёрная плёнка, которую он принял за рубероид, оказалась кожей. "Чот они, чурки, кита што ли высушили" – сразу начал искать рациональное объяснение Васька, так как к глубокому сожалению, он никогда не читал прозу в жанре фэнтези, а то сразу бы догадался, что это был скелет гигантского дракона. Честно говоря, после школы он вообще ничего не читал, за исключением названий на товарах народного потребления. Правда в армии пришлось зубрить "Устав", но это было последнее в его жизни свидание с литературой.

Попробовав с разбегу несколько раз боднуть стену, с целью сделать прореху в своё светлое будущее, он быстро обессилел, так как его спортивная форма уже лет десять назад приказала долго жить. Тяжело дыша и пуская слюной пузыри, он для приличия ещё несколько раз лягнул дверь из толстенных досок – они отозвались тупым стуком – и заблеял от бессилия, (что они, слонов тут собирались держать, что ли?). Решив, что утро вечера мудренее, он завалился рядом с Володькой, который уже храпел как человек, постанывая, вздрагивая и суча копытами во сне. Василий задремал и перед его мысленным взором поплыли радужные картины из совсем недавнего прошлого – пьянки, пьянки, пьянки... и тут ему вдруг, до невозможности жутко, захотелось выпить. Рука потянулась к наполовину налитому стакану... и он вздрогнул, чуть не проснувшись, а сознание уже поплыло куда-то, всё выше и выше, растворяясь в сизой запредельной дымке и оставляя волосатое козлиное тело на произвол беспощадной судьбы.

Глава 6

Пульп и Агла, закрыв козлов, быстро пошли в сторону ШМИ, так как им не терпелось рассказать о своих приключениях своим одноклассникам. Пульп продолжал сжимать в руках бутылку с зельем.

– А что с этим будем делать? – он подкинул бутылку, и она, сделав оборот в воздухе, опять оказалась у него в руке.

– Может выкинуть её – наивно предложила Агла.

– Вот ещё, давай-ка мы пойдём в нашу землянку да там и попробуем – неожиданно даже для себя самого предложил Пульп.

– Ты что, а если узнают, нам же запрещено это делать – Агла возмущённо смотрела на своего приятеля, не понимая, откуда вдруг в нём взялась такая смелость. Она была хоть и младше его, но видела, что зачастую он бывал, так сказать, немного глуповат, да и отвагой не блистал, не говоря уже о других достоинствах. В свои юные годы она была уже мудра, как столетний старец, и снисходительно терпела и прощала ему всё, справедливо считая, что друзей и родственников надо принимать такими как они есть, не требуя от них взамен ничего сверхъестественного.

– Если ты не скажешь никому, то никто и не узнает – продолжал отстаивать свою точку зрения Пульп.

Агла, от природы, была очень любопытна и любопытство в данном случае стало перевешивать все доводы разума.

– Ну, если только по чуть-чуть – уже с сомнением в голосе произнесла она.

– Конечно! Конечно, мы по чуть-чуть, мы просто попробуем и всё, а остальное выльем или... спрячем – уже радостно, что Агла так быстро согласилась, закричал Пульп.

Они свернули в Парк Медитаций, который простирался по левую сторону от замка Трига и тянулся до самых гор. У них там была своя землянка, скорее даже не землянка, а грот, который они в своё время просто расчистили и углубили. Когда-то, было одно из заданий в Школе Магических Искусств – найти своё место Силы и сделать там для себя убежище на время очищения и для последующих медитаций. Пульп долго не мог найти подходящего места, и когда Агла показала ему своё, и предложила им воспользоваться, он естественно, не смог отказаться от такого прекрасного подарка. Грот располагался в красивом, уединённом месте возле водопада, и был совершенно незаметен, так как его вход перекрывала упавшая гигантская секвойя. Они любили проводить там время, скрываясь от школьной суеты и шума, это был их особый мир, в который они ни кого не допускали. Пол в гроте выстелен лапами секвойи, а сверху был выложен сухим серым мхом, которого на стволе дерева было в изобилии, так что сейчас можно было сидеть и лежать на полу, как на ковре. Посередине было место для очага, заботливо выложенное камнем. В углу было подобие низкого стола из отпиленного куска бревна, на котором стояла незамысловатая деревянная посуда: две чашки, две ложки и два низких, широких стакана. Пульп несколько дней потратил на изготовление этой посуды, вручную вырезая каждую вещь, и очень гордился своими произведениями искусства. На стене висел белый от времени череп барана со сломанными рогами и самодельный лук, с которым Пульп пытался несколько раз охотиться, но то ли лук был плохой, то ли стрелы, то ли охотник, так как все попытки кого-нибудь застрелить заканчивались неудачей. Мало того, неудачей... один раз он упал в яму, чуть не переломав ноги, и разорвал всё лицо и руки до крови, соврав потом, что схватился с рысью. А в другой раз ему показалось, что в зарослях молодого леса на него движется какое-то чудовище, и он от страха так припустил, что летел как на крыльях, перепрыгивая через завалы из поваленных деревьев, так что потом, уже выскочив из леса, долго не мог отдышаться. Сдуру он рассказал в ШМИ про этот случай, только немного подправив сюжет, по которому

выходило, что на него напал старый гризли, которого он ранил стрелой, и одноклассники долго потом не давали ему проходу, дразня медвежатником.

Они шли уже больше часа по извилистой лесной тропе, когда, наконец, увидели водопад, издаലെка сверкающий радужной водной пылью, и приветствующий их шумом падающих потоков воды. Агла, не выдержав, побежала вперёд, и когда Пульп дошёл до грота, она уже стояла по колёно в воде, смеясь и подставляя руки под струи водопада.

Пульп тоже захотел искупаться, но не так, как она. Он степенно зашёл в землянку, поставил бутылку на стол, потом неторопливо разделся, и уже тогда, голышом, бросился под прохладный бурлящий поток, что-то крича непотребное, наподобие о-о-а-а-оо! или а-а-о-о-а-а!

Агла первой выскочила из воды и стуча зубами от холода, начала выжимать свою одежду не раздеваясь, так как с некоторых пор стала почему-то стесняться своей наготы. Вскоре вышел и Пульп, и посмотрев как она мучается с одеждой, покрутил пальцем у виска. Зайдя в грот и одевшись, он уселся возле стола и крикнул, стараясь заглушить шум водопада:

– Агла, ну скоро ты там?

– Уже иду – и она нырнула вовнутрь, продолжая трястись и клацая зубами.

– Ты хоть разденься, да одежду высуши – назидательно промолвил Пульп.

– Потом, как огонь разожжём, разденусь – Агла всё ещё дрожала от холода.

– Ну что, попробуем? – Пульп, уже не ожидая согласия, уверенно вырвал зубами пробку из бутылки, как будто делал это каждый день, и налил в каждую кружку примерно на палец зелья.

– Ну и вонь – посиневшими от холода губами выдала правду-истину Агла. – Может не будем? – и она с сомнением начала вращать, покачивая, стакан и глядя, как мутноватая жидкость бежит по стенкам.

– Я слышал, это зелье большую силу даёт – решил не отступать Пульп, и залпом выпил, предварительно выдохнув воздух, чтобы не ощущать воню.

Агла, глядя на брата, повторила все действия с точностью автомата. Оба теперь сидели и молчали, выпучив глаза.

– Ну и гадость – первой нарушила молчание Агла.

– Гадость-то гадость, а вон смотри, ты уже не синяя, а розовая становишься – парировал Пульп, хотя и самому ему это зелье показалось отвратительным.

Агла и впрямь ощутила, как по телу растекается тепло, а в голове появляется лёгкое и приятное головокружение.

– Вот это да! – сказала она – правда в нём сила есть. – И замолчала, прислушиваясь к новым для себя ощущениям.

– Не зря его так африканские маги любят – голосом чуть громче обычного заговорил Пульп – они, как его напьются, так начинают кричать, что их род самый древний и самый сильный, что без их посохов маг и не маг вовсе, хоть будь он трижды из рода Зойгов, что их женщины самые красивые, а мужчины самые-самые... ну и... . А что некоторые их дети в нашей школе обучаются магии, так это они не помнят. – Пульп сам уже начал распятыся, почему-то близко к сердцу приняв такое положение дел. – Их дети самые тупые, по сто раз надо одно и то же объяснять.... Черти черномазые....

Он, как само собой разумеется, уже наливал по второй....

– Ну давай, Агла, ещё по одной и всё.

Агла, которая уже немного согрелась, не стала возражать и молча протянула свой стакан....

Глава 7

Триг, проводив детей, решил немного вздремнуть, так как всю предыдущую ночь он почти не спал. Войдя в спальню, он подошёл к окну и задёрнул массивные шторы, сшитые из искусно выделанных шкурок летучих мышей, так как за окном был уже полдень, а днём спать он не очень любил. Он уже снял свой роскошный халат и остался в рубашке и жилетке с медными пуговицами, как что-то заставило его остановиться. Он подошёл к узкому окну, больше похожего на бойницу, из которого открывался прекрасный вид на парк Медитаций и Драконовы горы, синеющие вдаль. Погода была прекрасная и было видно самые высокие горные хребты, которые обычно были скрыты за туманными облаками. Он открыл ставни и ворвавшийся ветер с трудом всколыхнул тяжелую серо-чёрную штору. Беспокойство не покидало его, хотя видимых причин для этого не было никаких. Войны давно уже закончились, все территории и границы были определены. Драконы тоже почти все исчезли; большая часть их была уничтожена в Третьей войне, а остальные постепенно вымирали из-за близкородственного скрещивания, в общем, их осталось всего несколько штук. Они жили где-то очень далеко и о них ещё рассказывали страшные истории и легенды, но всерьёз их уже никто не воспринимал. Интуиция опытного мага подсказывала, что опасность есть, что она существует, и Триг, как был, без халата вернулся обратно в тронный зал. Опасность, давящая на сердце, скорее всего, касалась кого-то из тех, кого он больше всего любит. По этой причине, в первую очередь, он решил увидеть своих внуков Аглу и Пульпа.

Волшебное зеркало мерцало загадочной полупрозрачной поверхностью и будто ждало его. Триг подошёл и, проводя над зеркалом правой ладонью, начал бубнить заклинание... (так как оно секретное, не будем здесь его воспроизводить). Поверхность зеркала стала прозрачной, и в глубине его он увидел на первый взгляд ничем не примечательную сцену: Агла и Пульп сидели за своим импровизированным столиком и о чём-то оживлённо разговаривали, причём Пульп жестикулировал настолько активно, что казалось, он отбивается от стаи мух. Агла в это время сидела, глядя на него и раскачиваясь из стороны в сторону, с блаженной улыбкой на лице.

Триг мгновенно понял, что происходит: "Зелье! О, дьявол, где они взяли его?" Он сел в кресло и сосредоточился. Его воля и сознание сконцентрировались в одном луче, пробивающем пространство и время. И когда Пульп собрался налить ещё по одной, бутылка почти бесшумно лопнула прямо у него в руке, растекаясь вонючей лужей ему на штаны и на пол.

Триг продолжал оставаться там, наблюдая, что же произойдёт дальше. Он не хотел вмешиваться напрямую, предоставляя им свободу выбора.

Агла вскочила, удивлённо глядя на Пульпа и на осколки бутылки, рассыпавшиеся по полу.

– Ну и сила у тебя, Пульп! – с некоторой долей восхищения воскликнула она.

Пульп, пребывавший до этой фразы в некотором замешательстве от происшествия с бутылкой, воспрянул духом.

– А то! Это с виду я так выгляжу, как будто слабак, а на самом деле-то у меня во-о-о! – слегка заплетающимся языком произнёс Пульп и согнул руку в локте, демонстрируя бугорок мышц на предплечье. – Со мной шутки плохи, я кого хошь могу завалить, у меня есть ещё секретные символы и заклинания, которыми я могу замочить на расстоянии....

Агла знала, что такие символы в Школе Магических Искусств не даются, но сделала вид, что поверила, так как не хотелось спорить с Пульпом из-за такой мелочи. Она решила продолжить игру:

– Так ты и дракона, наверное, сможешь убить?

– Хм-м-м, дракона? Я вот думаю, не сразиться ли мне с каким-нибудь магом из линии Трегубых – уже явно понесло Пульпа. – Давай вот щас рванём к ним в логово, я им устрою аргентинское танго – лицо Пульпа покраснело.

Он начал неуверенно рисовать в воздухе какие-то символы явно собственного сочинения, но потом обречённо махнул рукой и с видимым облегчением произнёс: "Ладно, пусть живут, я сегодня всех прощаю" – и протянув руку в классическом жесте прощения, плюхнулся обратно на мох, пытаясь расположить своё обмякшее тело в позе римского патриция...

...Триг сурово сдвинул брови и тяжело вздохнул: "Только этого ещё мне не хватало" – и вернулся в свою реальность, так как дальше там оставаться не было смысла. Он сделал всё, что необходимо, а просто наблюдать что будет потом, уже было неинтересно. Он ещё раз вздохнул, покачав своей седой головой, и пошёл в спальню, чтобы погрузиться в живительный сон, но сегодня ему видно не суждено было поспать. Только он сел на кровать, чтобы снять свои мягкие сапоги из телячьей кожи, расшитые серебром, как с улицы раздался какой-то непонятный шум и чёрная тень накрыла лужайку перед окном. Раздался пронзительный птичий крик и треск ломаемых веток. Дракон! Но когда всполошившийся Триг выглянул на наружу, то обнаружил сидящую на дереве, недалеко от окна, птицу Говорун. Это была хоть и огромных размеров, но всё-таки птица, а не дракон, как со страху почудилось Тригу, и была совсем безобидной тварью, навроде курицы, так как питалась только растительной пищей и мелкими козявками. Но это было единственное существо из животного мира с которым можно было говорить на обычном языке. Триг относился к ним некоторой опаской, так как эта птица предпочитала больше говорить, чем слушать. И когда ей попадался благодарный слушатель, она могла болтать до бесконечности, так что слушатель мог и заснуть и проснуться и потом опять провалиться в сон, а она всё говорила и говорила не прерываясь.

"Что ей надо?" – подумал Триг, а вслух выкрикнул:

– Здравствуй, мудрая птица! Где тебя носило, что ты видела в том мире и в этом, и что слышала?

Птица, переступила с ноги на ногу, чтобы устроиться поудобнее, и сломала при этом ещё несколько веток.

– Кха, кха, Величайший из магов, летала я и за горами и лесами, и за синими морями. И в жарких странах африканских и в холодных королевствах Океанских, и нигде не встречала я равного тебе по силе и могуществу, о Величайший из великих...

– Ты говори, пожалуйста, поконкретнее, что надобно тебе, птица? – решил прервать обычное славословие Триг.

Птица на некоторое время замолчала, потом моргнула несколько раз своими большими, карими, круглыми глазами и продолжила:

– Довелось слетать мне за Жёлтую пустыню к своей сестре, и слышала я, что африканские маги из линии Тэкуу замышляют против тебя козни. Что будет к тебе прислан гонец, с виду простой, а на деле коварный молодец (птица Говорун любила говорить складно, потому-то слушатель и впадал обычно в транс или сон, так что ей больше подошло бы имя Баюн). И будет у того молодца, как обычно зелья три-четыре бутылца. Ты не пей того винца, чтобы превратиться в удальца, а налей чарку, к примеру, да и предложи ему первому. А если откажется он, выпей сам и притворись, что клонит в сон. Только пей не по настоящему, махни рукой и вылей за спину....

Триг вздрогнул и поймал себя на том, что он уже почти спит (птица полностью оправдала своё название) и постарался сосредоточиться:

– Так, так, так... так ты говоришь, нам гонца зашлют наши африканские друзья?

Птица неодобрительно покосилась на Трига. За такое короткое время, он умудрился уже два раза её перебить. Не будь он самым уважаемым магом в Синегорье, она бы не стала терпеть такого нахальства.

– Кха-кха... Величайший... слушай же, что было дальше.... Летела я летела, весть тебе скорее передать хотела. Весть, она не злая и не добрая, если передать её вовремя. И не кому попало, а кому она выпала, и если у неё хорошее начало – ты с удачей за плечами (птицу уже потянуло на философию), а полёт если начинается, то уж никогда не заканчивается....

– Мудрая птица, благодарю тебя, может, желаешь водицы испить или зерна поклевать, устала ты, наверное, с дороги – Триг решил прервать птицу, так как суть дела была уже понятна, и надо было просто её как-то остановить.

– Кха-кха... Величайший, некогда мне тут у вас рассиживаться, у меня своих дел полно – обиженно проскрипела птица Говорун и оттолкнувшись от ветки попыталась спланировать, но зацепилась своими огромными крыльями за ветви и свалилась под дерево. Ещё больше сконфузившись, она пробежала по лужайке несколько шагов, расправила гордо крылья и, чуть не зацепившись за решётку ограждения, низом полетела в сторону гор, постепенно набирая высоту.

Глава 8

Володька проснулся первый и, не открывая глаз, провёл языком по нёбу. К его удивлению, во рту было влажно и чисто, а это был нонсенс, так как все последние годы, что оставались ещё в его памяти, поутру во рту было всегда сухо и погано. Было зябко, к тому же он отлежал бок, и Володька решил, не вставая, поискать, видно завалившееся за кровать, одеяло. Он начал шарить рукой... и тут страшное воспоминание-ощущение не пальцев, а копыт, вернули его в настоящее. От ужаса и бессилия он заблеял, чем разбудил Василия, а тот, вскочив сразу на четыре ноги, довольно бодро пробежался по загону и потом помочился возле двери, тряся хвостом и довольно бекая.

Маленькое красное солнце пробивалось в узкие дверные щели и широкими оранжевыми полосами играло на противоположной стене сарая. Наступило их первое утро новой жизни. Так как ни Володька, ни Василий не знали козлиного языка, то им приходилось на ходу придумывать свой – язык жестов и блеяний. Володька бесцельно ходил по сараю, когда Василий толкнул его рогом в бок, что видимо означало "Слушай сюда" и коротко бекнул, показывая на маленькую дверку в стене, видимо служившую входом и выходом для молодняка. Она была накрыта куском кожи, и поэтому вчера в сумерках они не заметили её. Василий подошёл к стене и, согнув одну ногу, рогом приподнял полог и глазами начал косить на дырку, предлагая Володьке попробовать. Володька, не раздумывая, попытался сунуть туда башку, но рога мешали, и наружу можно было высунуть только морду. Они ещё какое-то время, сменяя друг друга, пытались вырваться на свободу, но только поцарапались и набили шишки. Затем они решили отдохнуть и, напившись воды, снова улеглись на сено возле стенки....

...Дни проходили за днями, похожие друг на друга как близнецы. Постепенно воспоминания о прошлом таяли, уступая место повседневным нуждам, и вскоре они уже почти не помнили кто они и откуда. Раз в день к ним заходило существо непонятного вида, похожее на большого зайца, только на двух ногах и с короткими ушами. Передние лапы были похожи на человеческие, только пальцев было три. Это существо приносило им воду и сено, но иногда бросало и свежей травы. Все попытки как-то войти с ним в контакт успеха не принесли. Вот и в этот раз, когда скрипнула дверь, Василий вскочил, чтобы поприветствовать его, но, к его удивлению, существо как бы ответило ему, кивая головой и издавая звуки типа мяуканья. Удивительно, но в этот раз оно не закрыло дверь, а осталось стоять, как бы приглашая их к выходу. Василий неуверенно, шаг за шагом, бочком протиснулся между Кенгуру (как он для себя его назвал) и дверным косяком и... вот она, свобода! Володька, видя, что его друг уже покинул сарай, в два прыжка оказался рядом с ним, на большой поляне с кое-где разбросанными невысокими кустарниками, заросшими странными красноватыми листьями.

Они начали скакать и резвиться как молодые козлята, а Кенгуру закрыл калитку на засов и встал, сложа на груди руки-лапы и изображая нечто похожее на улыбку. Василий, подскочив к кустарнику, решил попробовать его на вкус. Он осторожно оторвал губами несколько листочков, которые после сена показались ему просто лакомством. Они были немножко кисловатые и чуть-чуть горчили. Вторым приёмом Василий уже захватил зубами ветку у основания и протянул её через зубы, оставляя во рту целый пучок листьев и мелких веточек. Володька, видя с каким аппетитом Василий жуёт, тоже присоединился, и теперь они вместе паслись, объедая ветку за веткой, куст за кустом. Кенгуру, понаблюдав какое-то время за ними и убедившись, что они не собираются никуда убегать, зачем-то ускакал и появился только под вечер, когда друзья объели уже половину кустов и лежали, развалившись на сочной, зелёной траве. Потоптавшись на одном месте, Кенгуру махнул лапой-рукой в сторону гор, как бы приглашая их за собой и, отойдя несколько шагов, обернулся, чтобы удостовериться, поняли ли его эти животные. Животные его поняли и им ничего не оставалось, как следовать за ним. Они с некоторой

неохотой и страхом перед будущим, двинулись за Кенгуру, покидая, уже ставший привычным для них, такой уютный сарай....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.